

Тихонов Александр Васильевич
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
alvast39@mail.ru

Актуальность перехода регионов с разным уровнем социокультурной модернизации в посткризисную ситуацию: методологический аспект¹⁴²

Аннотация. Предметом исследования являются методологические подходы к исследованию закономерностей социального группобразования в системе отношений гражданского общества и властно-управленческих структур в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации. Программой нашего исследования признаётся актуальность перехода из кризисной ситуации в посткризисную, что должно отразиться на балансе между интересами власти и общества. Столь важный вывод по материалам эмпирических социологических исследований до пандемии, уже не раз озвучиваемый и оспаривавшийся в научной литературе, конечно, требует дополнительной работы. Наступившая угроза жизни и здоровью граждан со стороны коронавируса становится неустранимым фактором, создающим новые условия для разработки нового «гражданского договора» с учётом появления возможной новой логики «вызовов и ответов». Исследуется проблема появления низкого качества институтов в России, что проявляется в феномен «недостойного правления», накладывающего наиболее значимые ограничения на реализацию проекта социокультурной модернизации. Утверждается, что поиск ренты в России – это не просто побочный эффект коррупции и неэффективности, но и главная причина феномена «недостойного управления» государством, следствием которого неизбежно становится распространение у нас низкого качества социального группобразования.

Ключевые слова: властно-управленческая вертикаль; гражданское общество; общественный договор; логика вызовов и ответов; социо-культурная модернизация; недостойное правление; программа исследования; баланс интересов; актуальность перехода в посткризисную ситуацию

Tixonov Aleksander Vasilyevich
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation
alvast39@mail.ru

Relevance of regions transition with different levels of socio-cultural modernization to the post-crisis situation: methodological aspect

Abstract. The subject of the research are methodological approaches to the study of patterns of social grupporagains in the relationship of civil society and the power-management structures in regions with different levels of sociocultural modernization Program of our study recognizes the relevance of the transition from crisis to post-crisis, this should be reflected in the balance between the interests of government and society. Such an important conclusion based on the materials of empirical sociological research before the pandemic, which has been repeatedly voiced and disputed in the scientific literature, of course, requires additional work.

¹⁴² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ № 19–18–00345

The threat to the life and health of citizens from the coronavirus becomes an unavoidable factor that creates new conditions for the development of a new "civil contract", taking into account the appearance of a possible new logic of "calls and responses". The author studies the problem of low-quality institutions in Russian Federation, which manifests itself in the phenomenon of "unworthy government", which imposes the most significant restrictions on the implementation of the project of socio-cultural modernization. It is argued that the search for rent in Russian Federation is not just a side effect of corruption and inefficiency, but also the main cause of the phenomenon of "unworthy management" of the state, which inevitably leads to the spread of low-quality social group formation in our country.

Keywords: power and management vertical; civil society; social contract; logic of challenges and responses; socio-cultural modernization; unworthy governance; research program; balance of interests; relevance of transition to a post-crisis situation

Содержание настоящей работы Центра социологии управления и социальных технологий по проекту РНФ, тесно связано с исследованиями, предпринятыми Институтом социологии Российской академии наук и нашим Центром в 2010–2019 гг. и продолжается сегодня в форс-мажорных обстоятельствах. Предметом являются закономерности социального группообразования в системе отношений гражданского общества и властно-управленческих органов в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации.

Иногда в публикациях можно найти риторическое вопрошание: о чём идёт речь, ведь гражданского общества-то у нас вообще нет, а если оно и есть, то его не видно и не слышно [Государство, 2013: 473]. Даже если это было бы и так, то социологической науке ничто не помешало бы его эксплицировать с помощью соответствующих методик. Нам достаточно использовать обычные опросы для изучения общественного мнения, применить методы экспертной оценки для изучения положения дел в регионах, дистанционно провести анализ местных средств массовой информации и контент-анализ общения населения в социальных сетях. А это мы уже давно используем в повседневной работе.

Обратим внимание на такой обнадёживающий факт: в потоке многочисленных социально-экономических, политологических и других исследований, чрезвычайно активно развернувшихся в России с 2000-х гг., стало особенно заметным стремление социологов изучать проблему отношений государства и общества в контексте реальных вызовов и угроз. А. Тойнби в свое время исследовал с этих позиций проблемы гибели цивилизаций в терминах их надлома, раскола и распада, в том числе и русской как православной в условиях неблагоприятного стечения внешних и внутренних обстоятельств [Тойнби, 1991]. С таких же позиций мы выясняем причины и характер социальных событий в истории России. В прошлом году, например, мы отмечали 90-летие известного отечественного макросоциолога А. С. Ахиезера. Из его исследований однозначно проистекает вывод о закономерном характере чередования взлётов и падений в развитии российской государственности за последние 300 лет и о необходимости продолжать исследование дальше.

Наш ИС РАН, в последние годы, откликнулся на вызов времени целым пакетом полевых работ в данном направлении [Российская идентичность, 2005; Двадцать лет, 2011; Дробижева, 2013; Россия: реформирование, 2017 и др.]. В них сочетаются теоретико-концептуальные и практически ориентированные программы исследования динамики российского социума с выходом на проблемы его модернизации, на социально-экономическое развитие, гражданскую консолидацию и элементарное выживание в турбулентном мире.

Сотрудники Центра могут непосредственно обратиться к материалам этих исследований, подкрепленных к тому же уникальными эмпирическими данными. Так в последней из пяти выпущенными Институтом книг под редакцией М. К. Горшкова, отмечается, что в условиях кризиса, в логике «вызов – ответ», россияне проявили себя нестандартно: у нас обнаружены, например, предпосылки социокультурного раскола респондентов на самоотверженных «пассионариев», готовых бороться за счастье Родины до конца, и на «неопределившихся», сочетающих наряду с активистскими и пасситивистские жизненные установки, а также проявляющие собственно «пасситивистские», не включенные в решение общих проблем [Российское общество, 2017]. Анализ жизненных приоритетов различных социальных слоёв россиян свидетельствует об усилении у нас в период кризисов, тренда на активизм как на способ поддержания своего благополучия. В поиске ответов на общий тренд развития страны у респондентов обнаруживается преобладание установки на приверженность традициям. Исследование ответов на внешние вызовы выявило и парадоксальную тенденцию: сторонники традиционных взглядов (а это примерно треть опрошенных) одновременно придерживаются авторитарной стратегии развития России, а ориентированные на современные принципы внутренней организации общественной жизни придерживаются главным образом демократической модели с «европейским акцентом» (тоже примерно треть). Но (нота бэнэ!) когда речь заходит о выборе магистрального пути, то многие из тех и других, в т.ч. и из «колеблющиеся», присоединяются не к европейскому или к имперски-авторитарному, а к «особому пути» России. При этом практическое сознание россиян действительно нельзя назвать утилитарно-экономическим. Оно одновременно включает в себя и определенное представление о самоуважении, основанное на просветительских ценностях. Это обстоятельство связывается авторами с присущей нашему национальному характеру такой черты, как собственная «картина мира». Согласно этой картине успешная модернизация для нас совсем не новая индустриализация или супер компьютеризация, а такое социально-культурное движение, когда Россия начнет зарабатывать не на природных богатствах, не на инфраструктуре или на геополитическом положении, а на собственном производстве продукта мирового уровня. Если это так, то прямо скажем, это не слабый, требующий проверки, социологический вывод!

Есть еще один важный вывод социологического марафона ИС РАН, созвучный с Программой нашего исследования. По его итогам у нас в стране (с конца 2016 года)

свершился переход из кризисной ситуации в посткризисную, что отразилось на наличии определенного баланса между интересами власти и общества. Отношения между ними, как утверждают наши институтские коллеги-социологи, становятся все более рациональными, опосредованными конкретными интересами и действиями участников. Если это так, то, с одной стороны, налицо объективные предпосылки развития государственных и общественных институтов, а с другой, что ещё важнее, происходит актуализация проблемы разработки и принятия нового «общественного договора» применительно к современному этапу развития страны. Свидетельством тому, что на самом деле эта тема уже назрела и перезрела, является раскол в российском обществе по поводу содержания и формы принятия новой редакции Конституции. Этот раскол пока не имеет ни объяснения, ни четкого понимания, ни количественного выражения. И уж точно не сводится только к тому, что В.В. Путин стремится к закреплению во власти лично себя.

Если вспомнить К. Маркса, то он в своё время определял самобытность России путем отнесения её к странам с азиатским способом производства. Что похоже на правду, но не совсем. Стержнем нашей системы действительно является особая роль государства. В тоже время этот вывод, как свидетельствуют многие авторы, отнюдь не выражает массовую потребность наших граждан в авторитарном режиме, и уж тем более в тоталитарном. Речь идет о признании имперского типа восприятия россиянами своего общества и страны как «державы». При таком восприятии нашей социальной организации государство и общество у нас не противопоставляются. Мандат на осуществление заботы о народе выдает государству само общество, и перед ним же государство и отвечает. Если оно не отвечает народным чаяниям, то всем уже известно, что обязательно произойдет дальше. Многие у нас, вслед за Президентом В. В. Путиным, считают, что свой лимит на революции Россия уже исчерпала и что дальше она пойдет эволюционным путем. Но никто не гарантирует, что этот путь будет бесконфликтным. За ним можно увидеть некоторое идеальное представление определенной части россиян о желательной модели социального устройства на основе солидарности, взаимного доверия общества и государства. Испытание коронавирусом покажет, насколько это доверие может быть функциональным в новой, последующей за ним реальности.

Столь важный вывод по материалам эмпирических социологических исследований до пандемии, уже не раз озвучиваемый и оспаривавшийся в научной литературе, конечно, требует дополнительной работы, чтобы её результаты приобрели силу социологического факта. Наступившая угроза жизни и здоровью граждан со стороны коронавируса становится неустранимым фактором создания новой организации, более адекватной внешним и внутренним вызовам, что ведёт за собой разработку и подписание нового «гражданского договора». В научном плане у нас имеется большой диапазон возможностей исследовать проблему. Раньше это были теории Гоббса, Сен-Симона, Конта, а теперь это работы Дж. Ролза («Теория

справедливости)), А. Турена («Возвращение человека действующего»), Т. Дональдсона (теория социального контракта), А. Грамши (фабрикация общественного согласия самим господствующим классом) и др. Состоится или нет наша государственность в качестве успешного регулятора такого согласия в условиях одновременного решения задач реализации «прорывных проектов» и выживания народа в условиях пандемии – большой вопрос, со сложностью которого мы не можем не считаться. Это означает, что мы вынуждены не только заявить о проблеме, но и внести коррективы в свои научные планы.

В упомянутой выше статье, к которой мы еще вернемся, автор с горечью сетует, что добытое великими философами древности мыслительное богатство в существенной мере нами еще не освоено. «Разве мы восприняли и сделали своей государственной практикой, пишет С. А. Никольский, мысль Аристотеля о том, что стабильность государства в первую очередь зависит не столько от хороших законов, сколько от наличия граждан, готовых к их исполнению. Что, следовательно, важнейшей заботой государства является забота о добродетелях людей, о той высшей цели, ради которой оно и создавалось. И (внимание, риторический вопрос! – А. Т.) ориентировано ли на эту цель наше государство российское? Конечно, не ориентировано, скажем мы, как не ориентировано ни одно другое государство в мире, кроме, разве что Ватикана. Нам нужно знать, не только на что оно ориентировано, но и на что оно действительно способно.

При этом особенно важно, чтобы социологическое знание, за которое мы несём ответственность, оказалось, состоятельным. В реальности, отношения между обществом и государством представляют собой исторически обусловленный противоречивый циклический процесс сближения (вплоть до поглощения общества государством) или разделения (вплоть до катастрофических расколов общества и государства как частей одного целого, последствия которых наша страна, например, пережила дважды за одно столетие). Они, эти отношения, являются следствием ситуативного соединения многих внешних и внутренних причин. Их хитросплетение веками распутывают философы и историки. Для добросовестных политиков, вынужденных быстро и адекватно реагировать на изменения в мире и в обществе «здесь и сейчас», это большая головная боль. Для всех отраслей социально-гуманитарного знания и, в первую очередь, социологического, это фундаментальная проблема. Правда, в большинстве случаев у ученых, как и у практиков, она признается актуальной лишь задним числом. Так, например, В. В. Карачаровский и О. И. Шкаратан вспоминают, что Г. А. Явлинский в период написания им программы «500 дней» первым обратил внимание на назревшую необходимость в России нового «общественного договора», правда, уже постфактум, когда «процесс пошел» и стал доходить до ручки. Распад СССР, как пишут они, был показательным примером исчерпанности прежнего «общественного договора» между обществом и властью, что было даже более важной причиной катастрофических изменений, чем простая

неудовлетворенность властью и материальным положением отдельных слоев населения.

Поэтому делаем вывод, что и сегодня необходимо систематически проводить измерения работы любых институтов в представлениях людей об их функциональности: «если знать эти представления заранее, то можно знать и содержание общественного договора». Эту разумную идею авторы иллюстрируют примером мысленного эксперимента в ходе проведения опроса целевой группы численностью в 1000 чел. Этот эксперимент явился ответом на исследование нашего ИС РАН, в котором были приведены данные о высокой готовности россиян поддержать меры руководства по возрождению мощи страны. В мысленном эксперименте определялась, ни много ни мало, общественная цена России как сверхдержавы. Респонденты это делали путем выбора одной из двух гипотетических программ дополнительного расходования государственных средств: а) на приращение мощи державы и б) на расходование этих средств для собственных нужд (вариант б-1) и для передачи их на спасение жизни людей в критических ситуациях (вариант б-2). Что получилось в итоге? Получилось то, что экспериментаторы обнаружили раскол респондентов примерно на две равные части: за сверхдержаву высказались 49,3 % при варианте б-1 и 46,7 % при варианте б-2. При этом подтвердилось, что само стремление к поддержанию мощного в военно-технологическом отношении государства (что и выражается в концепте сверхдержавы) является фундаментальной частью российского «общественного договора». Что не слабо, поскольку это явно осмысленный ответ граждан на невыдуманные угрозы нашему суверенитету. Второй частью этого договора, не менее фундаментальной, является представление россиян о социальной справедливости. И это тоже не слабо, поскольку говорит о понимании гражданами социальной основы нашей стабильности. Организаторам мысленного эксперимента удалось взвесить и этот параметр отношений государства и общества. У них получилось, что респонденты справедливым считают распределение фонда общественного благосостояния (который в условиях пандемии коронавируса стал предметом критического внимания общественности) примерно 30 к 70, где 30 % считают, что нужно тратить средства на общественные нужды, а 70 % на личные.

И это уже не та справедливость в бедности, где нужно было все поделить поровну. Респонденты считают, что несправедливость состоит в том, что наше государство нам сильно недодает. Наиболее актуальные траты средств из гипотетического 1 млн руб., в их понимании, в этой пропорции сегодня в первую очередь должны пойти не на накопление капитала, а на непосредственное улучшение жилищных условий, на повышение безопасности жизни, на улучшение экологии, на качественное питание, на здоровье, спорт, отдых, образование, воспитание детей, культурное развитие себя и семьи. Во второй эшелон общественных потребностей, с их позиции, относится решение всей совокупности демографических проблем, начиная с рождаемости, материнства, детства. Сюда включены поддержка отечественных

производителей, импортозамещение, развитие образования, культуры и науки, разработка новой техники и технологий, развитие транспорта и дорог, благоустройство городов и сел, развитие оборонно-промышленного комплекса и сама оборона [Карачаровский, 2017].

На этом примере мы видим, что проблема регулирования отношений российского общества и государства постепенно наполняется доказательными социологическими данными. Правда, в них еще не хватает конкретности в том, как связано решение проблем внутреннего регулирования с изменениями нашего статуса во внешнем мире (последнее – ахиллесова пята теорий наших либерал-демократов, упорно не связывающих систему власти и управления в стране с реальными внешними угрозами или не желающими их замечать) и с попытками усиления его через ускоренную модернизацию. В своих исследованиях мы стараемся получать хотя бы предварительные ответы на эти вопросы в условиях пандемии.

Что же показал довольно обширный обзор литературы о месте России в мировом развитии? Рассмотрим материал Т. Ю. Сидориной с позиции логики «вызовов и ответов». Автор ставит перед собой задачу проанализировать причины, обусловившие неудачи постиндустриальной эпохи, просчеты при разработке базовых моделей мирового развития, а также неблагоприятный исход в достижении предполагаемого идеального состояния, обещанного теоретиками и практиками либерализма. Ею была изучена степень соответствия перемен, происходивших в последние 20 лет в России, основным концепциям мирового развития и адекватности ответов России на их вызовы. Основной вопрос: стал ли западный путь за эти годы собственным путем нашего развития или это всего лишь подражание (мимесис, в терминологии А. Тойнби)? Ответим коротко, в согласии с основными позициями автора, но собственными словами: к счастью, сегодняшний кризис обобщенного Запада не стал (просто не успел стать) собственным путем развития России. Наши адепты рыночной экономики в конце 1980-х гг., попытавшись обманно-насильственным путем перетащить страну из так называемого «развитого социализма» прямо в так называемый «развитой (либерально-демократический) капитализм», по иронии истории, решились на это как раз тогда, когда Запад уже по самую макушку погрузился в турбулентную пучину неолиберализма. На нашу долю осталось только подражание уже не существующему, уходящему с мировой сцены общественному строю, за сохранение которого уже не отвечает даже новая администрация Д. Трампа в США. Тем не менее, нельзя забывать, что за подражание везде и всегда, по А. Тойнби, несут ответственность лидеры и поддерживающее их «творческое меньшинство» (политический класс). В итоге либо Россия все же вырвется на свой, собственный путь развития, либо нас неминуемо ждет запрограммированная неудача на пути подражания Западу или кому бы то ни было ещё. Примерно в этом же духе рассуждают авторитетные авторы в обзоре литературы Т. Ю. Сидориной.

Теперь поищем ответ на вопрос, поставленный в статье В. Я. Гельмана: выполнима или нет миссия России способом авторитарной модернизации? Можно сразу сказать, что, скорее всего, не выполнима, чем выполнима, но сначала все же нужно понять позицию автора. Статья представляет собой довольно обширный и ценный обзор мировой и отечественной литературы по проблеме модернизации вообще и модернизации в России, в частности. Что касается России, то других типов модернизации, кроме неудачных, в нашей стране, судя по выводам автора, не было и не предвидится. Можно подумать, что для него более перспективной была бы не авторитарная, а демократическая модернизация, но он не уверен и в том, что демократизация в нашей стране («если она когда-нибудь произойдет?») создаст благоприятные условия для социально-экономических преобразований: скорее всего она столкнется с новыми вызовами. Это вполне возможно и кто бы сомневался! Если учесть и коронавирус как новый вызов. «Нет оснований рассчитывать и на то, пишет В. Я. Гельман далее, что реформы политического курса в условиях электорального авторитаризма и низкого качества государства могут принести много плодов. Политические лидеры, даже если они искренне заинтересованы в реализации программ экономического роста и развития, не способны повторить, например, успехи Ли Кван Ю и других авторитарных реформаторов. То есть те, кто опираются на неэффективную бюрократию как на основу своей политики, редко готовы идти на риски нарушения политического баланса во имя достижения целей реформ и развития. Поэтому авторитарная модернизация в лучшем случае сведется к набору частичных или временных непоследовательных преобразований, а в худшем послужит дымовой завесой для максимизации своей власти и своей ренты. Во многом именно так можно оценить и опыт России в начале XXI века: первоначальные усилия по проведению реформ в 2000-х гг. позднее во многом оказались сведены к пустым словам на фоне нарастания авторитарных тенденций» [Гельман, 2017: 54]. Вот, собственно, и ответ автора на главный вопрос нашего исследования. Он типичен для большинства обеспокоенных проблемами общества теоретиков, которые считают, что они мыслят социологически. Обычно приводятся убедительные примеры наблюдаемых явлений и делаются ценные умозрительные обобщения. Но при этом они не соотносят их с циклическими закономерностями конкретно-исторических ситуаций и с социологией как наукой об этих и других закономерностях, которые связывает отношения «власть – общество» с конкретными внешними и внутренними вызовами и угрозами, а само его существование – со способностью политического класса находить адекватные ответы в не стандартных обстоятельствах, в которых мы сегодня оказались. В частности, мы обращаем внимание на то, что автор в разделе «Идеи, институты и политический курс» близко подошел к пониманию сути проблемы авторитарной модернизации. Оказывается, что такая «модернизация» не дружит с таким институтом, как управление. С удивлением он обнаруживает, что «Россия управляется намного хуже, чем можно было бы ожидать исходя, из её относительно высокого уровня

социально-экономического развития, у нас предпринимается слишком мало усилий для улучшения качества государственного управления, подобно школьной «трешнице», не стремящейся улучшить свою успеваемость». Причина психологии «трешницы», возможно, в эффекте «наезженной колеи». То, что у нас в ГАУГНе (в Государственном академическом университете гуманитарных наук) знают даже бакалавры (у них читается курс по социологии управления), того не знают и не хотят знать органы власти. Да и многие социальные теоретики. Им удобно не замечать различия между социальными институтами власти и управления, считать их синонимами. Модернизация народного хозяйства, например, является не произвольной «хотелкой» Президента Российской Федерации, как об этом многие писали, а вынужденной мерой в ответ на довольно жесткие внешние вызовы.

Этот ответ должен был бы представлять собой довольно продуманную, долгосрочную программу разделения и взаимодействия институтов власти, собственности, управления и самоуправления, о чём говорят и пишут в нашем Центре социологии управления и социальных технологий, как о само собой разумеющемся. Правда, если политический класс, во главе со своей партией и её лидером, не понимает своей ответственности за модернизацию страны и сознательно подменяет действия различных институтов, и в первую очередь институтов управления и самоуправления, рассовыванием по вакантным местам близких себе людей, то мы действительно получаем то, что скрупулезно описывает В. Я. Гельман как недостойное правление: «Проблемы низкого качества институтов в России связаны с феноменом «недостойного правления», пишет он, накладывающего наиболее значимые ограничения на реализацию проекта авторитарной модернизации. Поиск ренты в России – это не просто побочный эффект коррупции и неэффективности, но и главная цель, основное содержание так называемого «управления» государством на всех уровнях, в то время как формальные институты государства призваны обеспечивать достижение этих частных целей инсайдерами «вертикали власти». «Родовая черта «недостойного правления», свидетельствует далее автор, есть особенность в отношениях российского государства и общества, которая прослеживается даже иностранными авторами на протяжении всего исторического пути российской государственности от царствования Петра Первого до коммунистического руководства» [Гельман, 2017: 50]. Но это было бы крайне печально, если бы было полной правдой. На самом деле авторы таких обобщений относятся к историческому пути России весьма произвольно.

Они, например, не учитывают, что на Западе и в России эпохи экстенсивного развития начинались в разное время. Они не понимают, что мы, в отличие от них, еще молодая цивилизация, что у нас впереди то, что у них позади: возможность интенсивного освоения такой территории, как у нас, с её несметными богатствами (только Дальний Восток и Север чего стоят!). Так и хочется посоветовать: матчасть, т.е. историю нужно «тщательнее» изучать, господа-товарищи! Эта реплика относится

и к нам самим: «тщательнее» товарищи-социологи, потому что вокруг России идет и не заканчивается «большая игра», со стремлением переиграть историю в свою пользу именно в геополитических интересах третьих стран. Ещё вчера кое-кому казалось, что нас можно как-то сдержать, задурить, завоевать, но сегодня стало ясно, остановить уже не получится. Снова вернемся к В. Я. Гельману: «Если предельно огрубить, то можно утверждать, что «недостойное правление» в России стоит рассматривать как продукт сознательного институционального строительства, т.е. процесса, который можно уподобить преднамеренному отравлению социального организма (просьба обратить внимание на слово «преднамеренный» – это я подчёркиваю не для спецслужб, а для науки). При этом парадоксально, что экономический рост и развитие служат целям поддержания такого политико-экономического порядка не только как инструменты максимальной ренты, но и как средство легитимации политического режима: отчасти именно поэтому российские правящие группы оказываются заинтересованными в успешной реализации проекта авторитарной модернизации в среднесрочной перспективе» [Гельман, 2017: 50]. Здесь ничего не скажешь. Убедительно. Но это только часть проблемы, которую мы ставим в исследовательском плане. Завершим это цитирование важным для нашей темы пассажем, который можно рассматривать в качестве гипотезы, претендующей на эмпирическую проверку: «Не стоит удивляться, что усилия по модернизации страны оказываются напрасными, а их эффекты зачастую оказываются частичными, противоречивыми и недолговечными... Реформы могут быть свернутыми, могут оказывать непреднамеренные и нежелательные последствия не только в связи со спецификой политического курса, сколько в связи с иерархическим механизмом принятия и реализации решений в рамках вертикали власти, усугубляющей проблемы принципал – агентских отношений» [Гельман, 2017: 50–51]. Запомним эти предостережения, как и выделенное ранее слово «преднамеренный», чтобы не забыть при уточнении проблемной ситуации, в рамках которой проводится наше исследование. Возможно, влияние коронавирусной пандемии позволит заметить изменения и в этом типе отношений. Научная и практическая актуальность исследования связана как раз с неопределенностью в отношениях между государством и обществом, связанной с назревшим пересмотром не вполне адекватного «общественного договора». Он осуществляется в условиях перехода вовне от однополярного к многополярному миру, а внутри от экстенсивного к интенсивному развитию страны, что воплощается уже сегодня в обосновании политики социокультурной модернизации регионов с учётом их цивилизационной специфики.

Актуальность нашего исследования определяется возможностью получения нового знания относительно силы и характера влияния властно-управленческой вертикали на положение дел в регионах, на их отношения с центром и между собой и на соотношение местных и федеральных сил и интересов в регионах. Нельзя при этом не учитывать и «оптимистические» ожидания некоторых прогнозистов относительно

ключевой роли регионов в преодолении грядущего, как некоторые полагают, кризиса российской государственности, скажем, после 2024 года. Например, Н. С. Розов в своем послесловии к монографии Рэндалла Коллинза [Коллинз, 2015] считает, что поскольку нормальный геополитический путь к нашей демократизации как «большой России» для нас закрыт на несколько десятков лет вперед(!), то надеяться можно только на конструктивную трансформацию отношений Центра с регионами. Что, в общем-то, не лишено смысла. «Сейчас, пишет он, регионы полностью задавлены централизованной фискальной и распределительной системой, а также жестким контролем Кремля над ключевыми назначениями и выборами в администрациях регионов и крупных городов. Надвигающийся кризис этой нездоровой системы приведет к спектру возможных траекторий, одной из которых является резкое усиление роли регионов в формировании структур коллегиального разделения властей, что при определенных условиях откроет путь к демократизации» [Коллинз, 2015: 462]. Можно сказать, что намёки на такие изменения уже наблюдаются в современной борьбе с коронавирусом. Материал нашего исследования в эти годы может сыграть определенную роль в проверке и подобного рода утверждений, послужить более глубокому осмыслению проблемы действительного усовершенствования федеративного устройства нашего государства в направлении эмансипации управления в регионах от неоправданной опеки со стороны центрального аппарата.

Помимо нашего исследования, в стране осуществляются и другие проекты, которые, так или иначе, корреспондируются с нами. Пока трудно определить их место и роль в общем потоке исследований, охвативших в последнее десятилетие Россию и другие страны. Это огромная отдельная тема. Мне представляется, что всплеск социогуманитарной и, особенно, социологической активности в эти годы не случаен. На человечество нахлынул шквал непредвиденных и непредсказуемых изменений. Гобсовская «война всех против всех», которую многие политики и социологи постмодерна списывают со счетов, есть приглашение к разговору в условиях пандемии, ставшей следствием её обострения. Если под сомнение постмодернизмом было поставлено все прошлое социогуманитарное знание, то что, в таком случае, полезного может сделать социология, если ей отказывать в научном статусе? Что происходит сегодня с социально-гуманитарным знанием в целом: может быть, это и есть война тёмных сил с социологическими законами как свидетельство вселенского умопомрачения накануне конца света, который за окном олицетворяется коронавирусом? А.А. Зиновьев в последней книге «Фактор понимания», с которой плохо знакомы даже некоторые профессиональные социологи, авторитетно предупредил нас об основной угрозе: «человечество как целое утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания» [Зиновьев, 2006: 94].

Достаточно обратиться к материалам последних международных социологических конгрессов, чтобы с грустью отметить: ни одна западная парадигма

не отвечает на вопрос, «куда несет нас рок событий». На этом фоне идея овладения управляемым хаосом в разрушительных целях, взятая на вооружение блюстителями нового мирового порядка и их спецслужбами, возникла не спонтанно. Скорее всего, отдельные ретивые методологи и аналитики подсказали её монополиям для укрепления властных позиций, не задумываясь о последствиях. Задача социальной физики, как мне представляется, наряду с участием в мировом дискурсе, состоит в развитии её предмета и методов настолько, чтобы она могла и теоретически и практически вырабатывать упреждающие ответы на вызовы странам и народам в новых геополитических обстоятельствах. К таким ответам относится и теоретико-методологическая разработка современных проблем «общественного договора» как предпосылки научного исследования противоречивых процессов социокультурной модернизации, выживания и сплочения народов в роковые минуты. Наиболее полное представление о стоящих перед российским обществом и государством вызовах и перспективах в этом отношении дает фундаментальное исследование коллектива ученых ИФ РАН под руководством Н. И. Лапина. Оно выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН по теме «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал», и содержит важные методологические основания для разработки и реализации проектов, подобных нашему. В качестве примера приведем цитату из второй главы этого труда: «На пути модернизации российского общества встречается много проблем. Среди них есть такие, которые носят системный характер и могут восприниматься как вызовы для модернизации или как потенциал развития в зависимости от того, насколько поняты эти проблемы, а общество смогло перенести их в плоскость политико-социальных и экономических решений, определить целевые установки и этапы. На общество, которое не сможет найти адекватный ответ, такие вызовы могут оказать разрушительное воздействие внешние и внутренние силы» [Левинсон, 2004; Новые идеи, 2013; Российское общество, 2015].

Так уж получилось, что мы имеем возможность в некотором смысле не гадать на кофейной гуще, а использовать данные уже проделанной нами работы и двигаться дальше. Уникальной особенностью текущего времени является пандемия и как природно-биологический фактор и как фактор социально-организационный, управленческий и политический. Как писал ещё 100 лет назад П. Бурдьё в условиях в чём-то аналогичной нам мировой нестабильности, никакое серьёзное политическое действие не возможно, если ему не предшествует соответствующее изменение в сознании людей: и элиты и массы. «Познание социального мира, писал он, точнее категории, которые делают его возможным, суть главная задача политической борьбы за возможность его сохранить или трансформировать, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира» [Бурдьё, 2007].

Библиографический список

Бурдые П. Социология социального пространства/ Серия: Gallicinium. Пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007. 288 с.

Гельман В. Я. Авторитарная модернизация в России–миссия невыполнима?// Мир России. 2017. № 2. С. 38–61.

Государство. Общество. Управление: сб. статей/ под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. М.: Альпина паблишер, 2013. 509 с.

Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров/ под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 325 с.

Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации: Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.

Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., Алгоритм, 2006. 528 с.

Карачаровский В. В., Шкаратан О. И. Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к её измерению// Мир России. 2017. Т. 26. № 2. С. 6–37.

Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М., 2015. 499 с.

Левинсон А., Стучевская О., Шукин Я. О тех, кто называет себя «средний класс»// Вестник общественного мнения. 2004. № 5. С. 48–62.

Новые идеи в социологии: монография/ [Ж. Т. Тощенко и др.]; отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.

Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа/ отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Наука, 2005. 396 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая/ отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.

Российское общество и вызовы времени. Книги пятая. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография]/ [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 335–473.